

ДИСКУРС ТЕОРИИ ХАОСА: ЭВРИСТИЧЕСКИЕ И ДЕСКРИПТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

ВАРДГЕС ПОГОСЯН

Поливариантность социально-исторического процесса предполагает объективное существование многообразных форм общественных образований, что в свою очередь дает возможность говорить о феномене цивилизации, определяемой как исторически сложившаяся уникальная система, обладающая свойствами саморазвития и саморегуляции. Подобное определение цивилизации как общественной системы предполагает наличие социальных связей и механизмов и их взаимодействия, так как «цивилизация есть собственно социальная организация общества, характеризующаяся всеобщей связью индивидов и первичных общностей в целях воспроизводства и приумножения общественного богатства», – пишет С. Крапивенский¹.

Основной посылкой социологического анализа является то, что причины социальных изменений кроются в характере социального устройства. В центре внимания оказываются анализ условий и механизмов социального порядка, поддерживающих его элементов, происходящих в нем изменений, типологизация такого порядка. Социологический анализ изучает характер общих изменений в человеческих обществах через изучение существующей напряженности между присущими способами разделения труда в конкретном обществе и общественным принятием установившегося социального порядка. Однако, поскольку напряженность между двумя аспектами никогда не может быть полностью ликвидирована, в социологическом анализе произошло переформулирование некоторых проблем общества: социального беспорядка, дезорганизации, трансформации. Социологическая постановка вопроса развивалась вместе с превращением анализа этих явлений в отправной пункт понимания механизмов социального порядка, условий функционирования и предпосылок изменения такого порядка вообще и его разновидностей в частности. Это означает, что социальный беспорядок не отличается по сути и природе от порядка и не первичен по отношению к нему, но проистекает из того же

¹ Крапивенский С. Цивилизационный подход к концепции человека и проблема гуманизации общественных отношений. Волгоград, 1998, с. 11.

порядка, характеризуясь иным набором и соотношением условий и элементов. Таким образом, предполагается, что социальная дезорганизация может стать системообразующим фактором, устанавливающим социальный порядок, и может послужить отправным моментом в исследовании социальных изменений. Продвигаясь в этом направлении, социологический анализ сосредотачивается на тенденции социальных систем к преобразованию; и такого рода тенденция определяется как основной аспект социального порядка, а не как внешнее или случайное событие.

Социология, в попытках объяснения процессов поддержания институционального порядка, затрагивает и анализ социальных изменений. Можно выделить два основных направления, в соответствии с которыми осуществляются исследования социальных преобразований: линейный и цивилизационный паттерны развития.

Линейный подход состоит в одномерном прогрессистско-поступательном развитии человечества, в рамках которого, как считается, социальные изменения просходят либо путем эволюции, либо путем революции. В первом случае социальные изменения стадияльны, поступательны, общества видоизменяются от простых к сложнодифференцированным, от военно-аграрных к индустриально-урбанистическим (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм). Функционализм, как методология социологии, определенным образом сохраняет в себе эволюционистские традиции (Т. Парсонс, Л. Коузер, Р. Дарендорф, Р. Бендикс, Р. Коллинз, К. Леви-Стросс). Революционные же теории считают приоритетным фактором столкновение политических интересов различных классов, а сами социальные изменения фундаментального характера объявляются следствием их конфликта, результатом борьбы при этом становится появление принципиально новых социальных систем (К. Маркс, И. Валлерштайн, С. Амин, П. Боде). «Социальная система – это универсальный способ организации общественной жизни, который возникает в результате взаимодействия социальных действий на базе диктуемых социальных ролей. Она объединяется в упорядоченное и самосохраняющееся целое образцами норм и ценностей, обеспечивающих взаимозависимость частей системы и интеграцию целого»².

² Шишкин А. Управление социально-экономическими процессами // Труды Института экономики КарНЦ РАН. Вып.10, Петрозаводск, 2005, Раздел 3. с. 267.

Широко используются теории объяснения функционирования социальной системы, восходящей к структурно-функциональной социологии. Согласно разработанному Т. Парсонсом структурно-функциональному подходу³, главными основаниями изменений в социальных системах могут быть:

1. нарушающие равновесие тенденции, которые всегда наличествуют в отношениях между социальной системой и ее окружением;
2. существующая напряженность между нормативными и структурными элементами любой социальной системы.

Согласно Т. Парсонсу, система гомеостатична, равновесна или находится в состоянии относительной стабильности, стабильна или находится в относительном равновесии, если в результате взаимодействия с внешней средой ее имманентные свойства остаются неизменными⁴. Также Т. Парсонс говорит о требовании наивысшей степени автономности общества среди других социальных систем, которые могут реализовывать различные социальные образования в разные исторические периоды⁵. «Соответственно, признается, что изменение во взаимосвязи элементов социальной системы оказывает определенное воздействие на функционирование системы. Вопросы о том, в каком направлении развиваются те или иные общества, почему в динамике каждой антагонистической системы есть определенные преодолевающие противоречия этой системы элементы, что двигает общество вперед – остаются открытыми», – определял при анализе структурно-функционального подхода Р. Дарендорф⁶. «Этот подход игнорирует естественную тенденцию любой социальной системы порождать внутренние противоречия, заодно с изучением отношения этих противоречий к конфликтам вокруг власти», – считал по этому поводу Ш. Эйзенштадт⁷. Главная слабость структурно-функционального подхода – это бросающееся в глаза пренебрежение значением, которое имеют особенности власти и характер конфликтов (из них

³ См.: **Парсонс Т.** О структуре социального действия. М., 2002.

⁴ **Парсонс Т.** Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. М., 1994.

⁵ **Посконин В.** Социально-политическая теория Т. Парсонса: методологический аспект. Ижевск, 1994, с. 30.

⁶ **Дарендорф Р.** Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., 2002, с. 108.

⁷ **Эйзенштадт Ш.** Революция и преобразование обществ. Сравнительный анализ цивилизаций. М., 1999, с. 66-67.

наиболее серьезные конфликты из-за власти) в функционировании социальных систем, а также подобными конфликтами и социальными изменениями. Равным образом представляется, что этот подход игнорирует естественную тенденцию любой социальной системы порождать внутренние противоречия, заодно с изучением отношения противоречий к конфликтам вокруг власти. В результате структур-функционалисты не всегда подвергали систематическому анализу отношение между конфликтами вокруг власти и внутренними противоречиями, с одной стороны, и созданием новых уровней ресурсов, благодаря которым могли происходить системные изменения, - с другой.

Конфликтный подход, как в своей функционалистической версии, предложенной Л. Коузером, так и в структуралистской версии Р. Дарендорфа, в сочинениях Р. Бендикса, а позднее Р. Коллинза, подчеркивает прежде всего, что главным источником изменений в обществе является конфликт между группами, отстаивающими свои материальные или идеальные интересы. Так, Р. Бендикс построил свою критику структурного функционализма и системного подхода в целом на том, что теория модернизация является фактически продолжением эволюционистских теорий, отмечая чрезвычайный уровень абстракции и несостоятельность в объяснении причин происходящих исторических процессов. Р. Бендикс отвергает идею о том, что процесс модернизации поступенчато-стадиален и обязателен для всех обществ. По его мнению, «процесс модернизации в каждой стране обладал специфическими чертами, связанными с историческими условиями формирования данного общества»⁸. Объектом критики в работах Р.Бендикса выступает не только функционализм. Критически анализируя исторический материализм, Р. Бендикс оспаривает определяющую роль экономического императива в формировании идей и, опираясь на выделенные М. Вебером культурные факторы, настаивает на важности их воздействия в социально-экономическом развитии⁹. Но и конфликтному подходу с его сильным антисистемным уклоном не удастся объяснить возникающие тенденции к системообразованию. Пренебрегая системными качествами социальных образований, зачастую отрицая существо-

⁸ Цит. по: **Масловский М.** Неовеберовская историческая социология // Социологические исследования, 2008, № 3, с. 121.

⁹ **Rueschmeyer D.** Theoretical generalization and historical particularity in the comparative sociology of Reinhard Bendix // Vision and method in historical sociology / Ed. by T. Skocpol. Cambridge, 1984, p. 135 - 138.

вание таких качеств, эта теория оказывается неспособной установить относительное значение различных конфликтов для рождения изменений и оценить воздействие конфликтов на направление изменений.

С упором на роль органических противоречий в трансформации культурных и социальных моделей и порядков связан центральный тезис в символично-структуралистском подходе К. Леви-Строса¹⁰. В соответствии с этим подходом символические трансформации, происходящие при разрешении глубинных противоречий, подобных противоположности между культурой и природой, объясняют и переход социальных порядков (например, переход от тотемического общества к кастовому). Слабым пунктом в аргументации символично-структуралистов является неспособность определить природу институциональных механизмов, через которые символистские характеристики человеческой деятельности воздействуют на институциональную жизнь.

Культуроцентристский подход, применяемый Ш. Эйзенштадтом, складывается в сущностном плане вопреки основным положениям структурно-функциональной школы, связанной с именем Т. Парсонса. Особое значение в нем придается именно внутренним противоречиям, присущим каждой из систем, степени выделенности институционализации и символических компонентов, роли элит, соотношения внутренних и внешних факторов. Принимая оппозиции парсоновской теории (партикуляризм - универсализм) как идеальные крайности, Ш. Эйзенштадт ввел широкий набор переменных факторов и состояний, что снимает классификацию «стадий» универсального процесса перехода, общественных изменений и выявляет иные типы и варианты социального устройства и динамики.

Качественно иное прочтение всемирной истории человечества и социальных преобразований предлагает цивилизационный паттерн (Н.Данилевский, М. Вебер, Л. Гумилев, Л. Мечников, О. Шпенглер, А. Тойнби). В его рамках социальные изменения (трансформации) считаются нормой системы и источником ее динамики (П. Сорокин), но абсолютизация социальных изменений имеет следствием нарушение сложившихся общественных отношений, приводящее общество, как систему, в состояние дезинтеграции.

Рассмотрим дискурсивные возможности теории хаоса применительно к

¹⁰ **Леви-Стросс К.** Первобытное мышление. М., 1994; **Леви-Стросс К.** Структурная антропология, М., 1985.

макросоциологическому анализу феномена социальной модернизации в рамках цивилизационного подхода.

Основные принципы общей теории систем были сформулированы в 1930-е годы Л. Берталанфи, но идея о самоорганизующихся системах активно начала разрабатываться в 1970-е гг. Первоначально теория была сориентирована главным образом для исследования биологических объектов. Л. Берталанфи ввел понятие «открытых систем», т.е. систем, постоянно обменивающихся веществом и энергией с внешней средой. Дальнейшие исследования, проводимые многими учеными, расширили сферу применения теории систем, которая стала использоваться для изучения различных объектов, имеющих признаки системы. Совершенствовался также сам метод, его терминология, классификация. В трудах авторов, рассматривающих общесистемные закономерности и принципы функционирования и развития сложных систем, предметом исследований традиционно определяются: различные классы, виды и типы систем; основные принципы и закономерности поведения систем (например, принцип узкого места); процессы эволюции, адаптации, переходные процессы.

И. Пригожин и Г. Хакен, используя нетривиальные подходы к изучению сложных системных образований, обратились в своих работах к исследованию неустойчивости систем, их динамики, положив начало изучению явления энтропии и функционирования диссипативных структур в открытых системах. В центре внимания этой теории оказываются наиболее существенные характеристики: устройство системы; её состав (подсистемы, элементы); текущее глобальное состояние системной обусловленности; среда, в пределах которой происходят процессы самоорганизации.

Результаты исследований динамической неустойчивости систем привели к появлению теории хаоса, предметом которой являются сложные самоорганизующиеся системы, которые характеризуются хаотичностью и ограниченной предсказуемостью. Здесь принципиально важно различить детерминизм и предсказуемость. Мы настаиваем на неприменимости индетерминистских положений постмодернизма, нивелирующих причинно-следственные связи, сводящих на нет познавательную и прогностическую функции науки, опровергающих постулат «мудрость есть знание принципов и причин».

Рассмотрим пример действия закона, который наряду с другими причинами объясняет феномен поливариантности. Например, две системы, в кото-

рых действуют одинаковые законы, в определенный момент времени будут находиться в не абсолютно тождественном, но относительно схожем состоянии, однако через сравнительно короткий промежуток времени станут весьма сильно различаться по своему состоянию. Здесь наблюдается явление аберрации, или иначе – нарушения гомоцентричности по отношению к идеальному состоянию. Пришедшая из физики теория аберрации применима и в социогуманитарных науках, в особенности нам импонирует, подкрепляя нашу аргументацию, одно из ее положений, когда факторы, действующие в одной системе, под воздействием ряда обстоятельств не действуют в иной. Это теоретическое положение сводит к нулю попытки неконструктивной волюнтаристской социальной инженерии (идущей в разрез с конструктивной, основанной на эндогенном социальном творчестве) универсализировать и унифицировать общества, обосновывает вероятностность действия социальных законов, объясняя существующее многообразие обществ и различные пути их развития.

Пути развития самоорганизующихся систем характеризуются определенным числом степеней свободы, которые в свою очередь дефинируются параметрами порядка. Ф. Хайек так пишет по поводу порядка: «Необходимо было ради достижения своей основной цели подчеркнуть значение спонтанной эволюции правил поведения, способствующих формированию самоорганизующихся структур. Этот упор на спонтанном характере расширенного, или макропорядка может ввести в заблуждение, если создаст у читателя впечатление, будто в макропорядке сознательно создаваемые и управляемые организации совершенно не важны. ... Некоторые из правил поведения, обеспечивающих возможность формирования расширенных спонтанных порядков, одновременно облегчают появление сознательно управляемых организаций, приспособленных для функционирования внутри более обширных систем»¹¹.

Ф. Хайек разрабатывал комплексную систему социального знания, в которой общество предстало как спонтанный порядок. Сложный спонтанный порядок Ф. Хайек рассматривает на примере рыночной экономики. Идея Ф. Хайека относительно эволюции социальных норм и институтов заключается в том, что существующие правила и обычаи, институты собственности и даже денежная система установились сами, а не благодаря сознательным усилиям людей.

¹¹ Там же, с. 66.

Наше обращение к теории хаоса продиктовано исключительно прикладными намерениями в русле решения заявленных исследовательских задач, на предмет использования ее методологии и познавательного потенциала в анализе конкретного социального феномена, полемика с отдельными представителями этого научного направления в рамки нашей работы не входит. Принимая эвристическую значимость самой теории, прикладную полновесность и разрешительные способности ее основных положений, мы, тем не менее, находим весьма спорными ряд утверждений Ф. Хайека, изложенных в книге «Пагубная самонадеянность», в частности, в его критике Аристотеля в разделе «Слепота философа»¹². Ф. Хайек осуждает Аристотеля за то, что тот не знаком с некоторыми различиями самоорганизующихся порядков, за то, что он является противником идеи эволюции в любом ее виде, не принимая идею о происхождении высших организмов от начальных низших. При этом очевидно, что высший организм и последняя стадия возможного развития для Ф. Хайека – это капиталистические общества с рыночной экономикой. Автор негодует по поводу того, что «осуждение взимания процентов как лихоимства, церковное учение о справедливой цене и презрительное отношение к прибыли насквозь пропитаны духом аристотелизма»¹³. Т. е. Ф. Хайеком отвергается существование социокультурных различий, сам факт того, что у индивидов, групп и целых обществ могут быть или превалировать в них иные смысложизненные установки и ценностные ориентации, противоречащие моральному кодексу «строителя капитализма» с единственной доминантной интенцией – извлечением максимальной прибыли. Более того, автор считает, что в основу социалистической мысли и оформившейся на ее основе теории, которые появились и заняли свою нишу в социальной теории в XIX–XX вв., легли наивные представления Аристотеля о мире. Существование в течение тысячелетий могущественных социалистических империй, созданных без участия афинского философа и основанных на ином, не западном способе производства, для Ф. Хайека, видимо, прошло незамеченным. Согласно Ф. Хайеку все, что минимизирует или пытается устранить разницу в доходах, подлежит определению «социальный». Он считает, что призыв к «распределительной справедливости» несовместим с конкурентным рыночным порядком.

¹² См. **Хайек Ф.** Пагубная самонадеянность, с. 80–84.

¹³ Там же, с. 83.

Оставим эти положения без комментариев, ограничившись констатацией того факта, что использование в целом адекватного методологического инструмента исследования при заполнении неизбежных пробелов несостоятельной теории за счет иррационального и апологетичного приводит к софистике и волюнтаристскому догматизму; софистическая аргументация может появиться как рефлексивная реакция для поддержания существующего знания. Эта доминирующая прежде система знания, европоцентричная, заангажированная и заидеологизированная, в XXI веке рухнет, и мы надеемся нашей исследовательской работой внести в это свою скромную лепту.

Вернемся, однако, к рассмотрению дискурса теории хаоса применительно к исследованию феномена модернизации. Любой уровень бытия представляет собой удаленную от равновесия структуру, которая существует за счет рассеивания вещества, энергии и информации. Однако эти диссипативные структуры существуют устойчиво, что актуализирует вопрос о поддержании порядка. Важную роль в обеспечении поддержания порядка, самоорганизации системы, определения ее контуров играет наличие прямой и обратной связи. Управляющее динамической системой воздействие корректируется круговой обратной связью, сигнализирующей о достигнутом приспособительном результате. Отношения обратной положительной связи складываются между системой и внешней средой. В контексте нашего исследования таковыми отношениями могут характеризоваться последствия пионерской, первичной модернизации, связанные с фундаментальным открытием, направленным на повышение возможности преобразования среды. Основным же видом обратной связи поддержания динамического гомеостаза системы является обратная отрицательная связь. Отрицательная обратная связь ответственна за самоорганизацию и саморегуляцию системы, выполняет адаптивные функции, восстанавливая нормальный режим функционирования системы после внутренних нарушений и внешнепричинных воздействий. В контексте нашего исследования можно проследить связь этого положения теории хаоса с догоняющей, вторичной модернизацией, как адаптивное свойство системы. Нарушение механизмов этого вида связи приводит к уменьшению адаптивных свойств системы, количество поступившей информации, оставленной без соответствующей реакции, возрастает, растет степень возмущения системы, что, по нашему мнению, и приводит к катастрофическим социальным последствиям: проигрышу в войне, революциям, гуманитарным катастрофам.

Ключевую роль в открытых системах, принадлежит, согласно теории хаоса, флуктуациям, колебаниям, отклонениям, присущим динамике системы. Сильные флуктуационные отклонения, превышающие возможную амплитуду присущих средних величин параметров, может разрушить систему. Здесь нам видится строжайшая необходимость взвешенного подхода к институциональному переустройству в социальном управлении: разрушение социальных институтов, выполняющих роль регуляторов, без создания полноценного замещающего предыдущий социального регулятора, чревато катастрофическими последствиями. Равно как и игнорирование в социальном управлении колебаний ряда параметров (резкий рост безработицы, снижение продовольственной самодостаточности и т.д.).

Следующий важный момент в теории хаоса связан с прохождением системой точек выбора, бифуркации, когда перед системой встает ряд альтернатив дальнейшего движения. В этот период усиливаются нестабильность системы, флуктуационные колебания, возрастает роль аттракторов и случайно возникающих факторов.

Мы полагаем, что выбор сценария дальнейшей эволюции, проще говоря – выход из создавшейся ситуации, применительно к человеческому обществу, осуществляется с помощью социокультурного компонента общественной системы. В случае необходимости адекватной реакции, если задействуется адаптивное свойство системы, последняя может выйти из бифуркационного состояния видоизмененной, поглотившей и усвоившей из среды часть воздействующей информации или энергии. Согласно М. Сетрову, в данном случае актуализируется «принцип совместимости»¹⁴, совместимости отдельно взятого элемента со всеми другими элементами целого, т. е. элемента и системы, в которую он входит. Положение это нам представляется весьма важным, так как условием неструктивного взаимодействия во время модернизационного заимствования между привносимой новацией и реформируемым объектом является наличие у них относительной совместимости.

Поддержание динамической стабильности системы, ее гомеостатическое функционирование с одновременным задействованием адаптивных свойств основывается на получении обратных сигналов и последующей корректировки к исходному состоянию исполнительными механизмами. Основным вопросом

¹⁴ Сетров М. Основы функциональной теории организации. Ленинград, 1972.

теории самоорганизации остается проблема выявления закономерностей, которые управляют функционированием систем. Такая постановка вопроса органически связана со специфическим объектом социального знания, изучением его как целостности, причем целостности как предельном множестве, совокупности конкретных обществ, которые реально сосуществовали в историческом пространстве.

В рамках теории социально-исторического процесса как единства многообразия и неравномерности развития отдельных обществ исследователи на всех этапах развития социального знания фиксировали, что процесс не только целостен, но и един в том смысле, что повторение касается общности фундаментальных, а не конкретно-исторических характеристик всех участников процесса (Г. Гегель, К. Маркс). Наблюдаемая одинаковость стадий интерпретировалась как проявление сущности истории сторонниками цикличности исторического процесса (Д. Вико, Т. Моммзен, Э. Мейер), наиболее полно воплотившись в историософских концепциях социально-исторического прогресса как вариантах линейной его трактовки (М. Кондорсе, Г. Спенсер, О. Конт, Ф. Фукуяма). К ним примыкает ковариантная модель всемирной истории (К. Ясперс): множество обществ развиваются самостоятельно, но время от времени характеристики их развития синхронизируются, наблюдаются одновременные качественные изменения. Уравновешивая крайности миро-системного анализа И. Валлерстайна, который свел национальные социумы к эманациям мировой системы, В. Каволис высказал идею о возможности порождать мироцелостность отдельными цивилизациями как локальными социокультурными системами. Р. Бенедикс отмечал способность сохранения в каждом обществе исторически сложившихся социальных структур, которые во многих случаях оказываются чрезвычайно устойчивыми и с трудом поддаются разрушению. К этой идее примыкает подход Н. Лумана, рассматривающего частные социальные системы как аутопойетичные (самовоспроизводящиеся).

Рассмотрение процессов самоорганизации в рамках теории хаоса в изучении объективного мира разрешило более полно включить в поле зрения человеческую деятельность. Теория хаоса, акцентируя внимание на нестабильности, нелинейности мировых процессов, рассматривает общество как сложную нелинейную, открытую систему, которая имеет большой спектр возможных альтернативных путей развития, обусловленных определенной средой. Любой социальный субъект, имманентный относительно социальной системы,

лишь подключается к процессу социальной самоорганизации, которая вносит определенное возмущение в социальный процесс, но не подавляет его полностью. Определенная судьба стихийности, хаоса, внутренней неопределенности социальной среды представляет собой конструктивный фактор, содействуя естественному построению социальной структуры, которая динамично развивается. Постоянное разнообразие элементов, противоречивый спектр индивидуальных и групповых интересов и действий, потенциально включая у себя формы приспособления к разным вариантам будущего, обеспечивает гибкость системы, возможность ее быстрого реагирования и адаптации к внешним условиям, которые изменяются.

Таким образом, нами выявлена применимость ряда положений и дискурса теории хаоса для анализа социальных феноменов. Однако в части описания долговременных устойчивых состояний, относительного динамического гомеостаза системы, дескриптивные возможности теории хаоса, лишь схематически обозначая важность в этих относительно стабильных состояниях общественных систем действия обратных связей и упоминая параметры порядка (которые, как и социальные регуляторы, различны в каждом обществе, а набор их уникален в каждом конкретном случае), нам представляются недостаточными.

В этом вопросе мы солидаризируемся с М. Ельчаниновым, который, справедливо полагая, что теория хаоса адекватно исследует бифуркационный процесс, но недостаточно ясно описывает и объясняет структурные аспекты социетальной динамики в контексте длительной временной протяженности, методологическим инструментом, применимым к исследованию стабильного состояния социума, считает концепцию трансисторических структур, дезорганизация или разрушение которых обуславливает движение кризисного социума по бифуркационному сценарию¹⁵.

В. Игнатьев, отмечая слабую разработанность понятия социального организма, настаивает на том, что «в соответствии с современными представлениями о механизме развития сверхсложных, комплексных социальных систем интегрированная теория всемирного социально-исторического процесса должна опираться на трактовку его как самоорганизующейся целостности,

¹⁵ **Ельчанинов М.** Трансисторические структуры как фактор социетальной динамики России // Известия Самарского научного центра РАН, Самара, 2006, с. 16-19.

которая состоит из ряда самоорганизующихся целостностей»¹⁶. А сама целостность социальной системы как иерархии социокультурных общностей, организованной локальными, функциональными и культурными признаками, в этом аспекте определяется идентичностью и солидарностью: чем более выражены, отрефлексированы и согласованы друг с другом и с большей по масштабам идентичности общностей, тем больше солидарность их членов и, следовательно, тем более согласовано их взаимодействие. Такого рода взаимодействие, то есть интеграция в социальные объединения, происходит путем формирования личностью своих моделей поведения через усвоение идеалов культуры и отождествление себя с ними.

Это положение подводит к проблеме изучения социокультурных кодов, генетических оснований формирования (цивилизационных матриц) локальных обществ и региональных цивилизаций, механизмов обеспечения самодостаточности существования специфических видов отдельных социальных организмов, их устойчивости к модификациям и деформациям со стороны внутренних кризисов и потрясений и со стороны внешнего воздействия.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается применимость теории хаоса как методологического операционального инструментария к анализу социальных изменений. Подтверждена адекватность теории в дескрипции нестабильных переходных состояний, но в отношении длительных гомеостатичных периодов и формирования амплитуды возможных аттракторов в бифуркационных точках определена необходимость дополнительного задействования концепции цивилизационных матриц.

Ключевые слова - самоорганизация, социальные изменения, бифуркация, аттракторы, устойчивые структуры, целостность, гомеостатика, имманентность.

¹⁶ **Игнатьев В.** Интеграционная социология исторического процесса (Версия фундаментальной историко-социологической теории) // Социально-гуманитарные исследования. Новосибирск, 2006, Вып. 3, с. 222.

ՔԱՈՍԻ ՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ԴԻՍԿՈՒՐՍ. ԲԱՑԱՀԱՅՏՄԱՆ ԵՎ ՆԿԱՐԱԳՐՄԱՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

ՎԱՐԴԳԵՍ ՊՈՂՈՍՅԱՆ

Հոդվածում քննարկվում է քաոսի տեսության կիրառելիությունը որպես սոցիալական փոփոխությունների վերլուծության մեթոդաբանական գործիք: Տեսությունը բավարար է համակարգի անցումային անկայուն վիճակների բացատրության համար, սակայն հոմեոստազի երկարատև ժամանակահատվածների և երկատման կետերում այլընտրանքային տարբերակների սահմանափակման ձևավորման վերաբերյալ հեղինակն առաջարկում է ներգրավել քաղաքակրթական մատրիցների հայեցակարգը:

Բանալի բաներ - ինքնակազմակերպում, սոցիալական փոփոխություն, երկատում, կայուն կառուցվածք, ամբողջականություն, հոմեոստազ, մշտակա:

DISCOURSE OF CHAOS THEORY: HEURISTIC AND DESCRIPTIVE FEATURES

VARDGES POGOSYAN

This article considers the applicability of chaos theory as a methodological operational tool to the analysis of social changes. The adequacy of the theory describing bifurcation parameters is proven. but the concept of civilization matrix is needed for periods of homeostasis and besides for the range of attractors.

Key words - self-organization, social changes, bifurcations, stable structures, integrity, homeostatics, immanent.